

нашему пока малому кружку организаторовъ само общество выдвинетъ изъ среды себя активныхъ дѣятелей, которые раздѣлили бы съ нами нелегкій трудъ пропагандированія идеи и осуществленія намѣченныхъ цѣлей „Хорового Общества“.

Какъ гласятъ параграфы устава, цѣли „Русско-націон. хор. Общества“ слѣдующія.

Признавая культурно-воспитательное значеніе музыки, а въ частности, считая русское національное пѣніе одной изъ сторонъ просвѣщенія, Общество ставитъ главнѣйшей своей цѣлью ознакомленіе населенія исключительно съ русско-національнымъ бытовымъ пѣніемъ, какъ церковнымъ, такъ и свѣтскимъ, и широкое распространеніе правильныхъ взглядовъ на таковое, (§ 2). И вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ цѣлю удовлетвореніе духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ своихъ членовъ, а также и преимущественно матеріальныхъ нуждъ малолѣтнихъ пѣвцовъ (§ 3).

Великая идея. Дай Богъ только ей скорѣйшаго распространенія и укрѣпленія! Благо будетъ семиналистамъ учредителямъ Общества, если они дѣйствительно „не повѣрятъ“ въ свою „неспособность“ ни къ инициативѣ, ни къ какому либо творческому труду и *станутъ твердо на почву продуктивной деятельности* для меньшаго брата—темнаго простонародія. А этотъ послѣдній не замедлитъ сказать „спасибо сердечное“ за посѣвъ добраго, вѣчнаго!..

С. В. Тавлуевъ.

Отрывки изъ дневника Охматовскаго крестьянскаго хора.

1905 годъ.

Вотъ уже скоро будетъ два года, какъ въ с. Охматовѣ (мѣстѣ моего жительства), Кіевской губ. по моему почину и моимъ личнымъ трудомъ изъ крестьянъ того же села организовался народный хоръ, пріобрѣтшій себѣ въ такое короткое время добрую opiniю.

Странно и неудобно, конечно, что я же самъ (дѣятель въ семь дѣлѣ) дѣлаю попытку провести дневникъ этого хора: это будетъ напоминать какое-то самовосхваленіе,—но я думаю, что цѣль, какую я хочу достигнуть этими строками, искупить вину моего слишкомъ субъективнаго изложенія въ предполагаемомъ мною очеркѣ... Разъ возможно было возникновеніе, функционированіе и нѣкоторый ростъ такого хорового организма въ Охматовѣ, глухомъ селѣ, на безлюдьи,—то возможно возникновеніе и выростаніе и вырощеніе еще болѣе совершеннаго древа хорового и въ другихъ мѣстахъ. А по сему дерзновенною рукою и занесу я рассказъ о томъ, какъ возникъ, существуетъ и функционируетъ этотъ хоръ.

Мысль и желаніе устроить хорикъ въ ту именно пору разбудили во мнѣ два вѣликопныхъ голоса: дискантъ Петра Дзюба и альтъ—Петра Швеца (называю ихъ имѣна полностью: то моихъ будущихъ два краеугольныхъ камня), безукоризненность тонации и красота тембра которыхъ

поразила меня во время посѣщенія мною Охматовской церкви на Литургіи.

Желаніе мое было интенсивно, но скромно и только въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи привело къ организаціи большаго хора.

Какъ начать, какъ дойти къ этому пѣвческому элементу? Вѣдь я врачъ—„панъ“,—а душа народа, какъ душа ребенка: закроется и неоткроется при неосторожномъ прикосновеніи къ ней.

Я рѣшился выучить двухъ помнящихъ Петровъ «Да исправится молитва моя» (это было въ великій постъ), что бы съ ними спѣть тріо (предполагая своимъ малымъ голосомъ заполнить партію 3-го голоса) въ Церкви.

Нужно отмѣтить, что къ этому времени одинъ солдатикъ (Адріанъ Кравченко), вернувшись со службы принесъ съ собой мотивъ (въ памяти) Херувимской, такъ называемой «на разореніе Москвы» и я замѣтилъ, что весь хоръ, пѣвшій въ Церкви, почуялъ жажду новизны и съ большимъ рвеніемъ съ голоса началъ въ школѣ разучивать принесенную Херувимскую.

Присматриваясь и прислушиваясь къ наличному пѣвческому элементу и къ самымъ мирянамъ, любовно слушавшимъ божественныя пѣснопѣнія, я сразу почуялъ возможность организаціи *порядочно хорошаго*. А потому осторожно со всякими подходами, зазвавъ къ себѣ въ домъ двухъ помнящихъ выше Петровъ, я продемонстрировалъ имъ на фортепіано знакомыя имъ вещи, но старался сдѣлать это возможно эффектиче съ нюансами, возможными въ грубой только формѣ моимъ дебелымъ и неумѣлымъ пальцамъ (самъ я не музыкантъ и къ тому времени едва, едва могъ проиграть какую—нибудь несложную піесу). Замѣтивъ съ радостью, что я задѣлъ въ нихъ самыя сокровенныя струны (кетати сказать заложенныя въ каждомъ малороссѣ), я предложилъ моимъ прозелитамъ приходить ко мнѣ по вечерамъ, предупредивъ ихъ однако, что больше никого не приму и не позволю ни кому приходить... Но то была моя хитрость, которая мнѣ вполне удалась: не прошло и недѣли, какъ по всему небольшому селу началось маленькое броженіе, которое поддерживалось рассказами этихъ Петровъ о прелестьяхъ музыкальныхъ, какія они находятъ въ домѣ доктора.

Таинственность какой я это нарочно окружилъ и невозможность самимъ хоть немного вкусить этихъ запретныхъ сластей подвинуло настроеніе пѣвцовъ и я... уже началъ угадывать что „приспѣ“ время.

Стало уже и тепло. Весна открыла окна дома. Петры къ этому времени довольно легко и сносно по слуху выучили очень пѣвучую херувимскую, написанную Гр. Б.—мѣ на лаврскія темы („Да исправится молитва“ разучить не удалось); открывъ окна—двери своей большой залы, я спѣлъ съ ними подъ фортепіано... Эту неслыханную и небывалую въ селѣ импровизацію слышно было на село... Черезъ $\frac{1}{2}$ часа вся каменная ограда, отдѣляющая мою усадьбу, была устѣяла дѣтворой и дѣтворой жаждавшей.

Въ тотъ же день я позволилъ моимъ Петрамъ привести съ собой еще одного пѣвца, но не больше. Пришелъ третій—Пыльня (альтъ) съ хоро-

шимъ слухомъ и большой музыкальной памятью. Я угадывалъ и радовался, что это тріо можетъ лечь въ основу хора и началъ съ ними усердно разучивать и завлекать и увлекать ихъ, надѣясь, что они наилучше поведутъ мою пропаганду и сами укажутъ, кто изъ жаждущихъ имѣетъ лучший голосъ.

Такъ постепенно привлекая по одному, я свербовалъ 12 голосовъ — дискантовъ, басовъ, альтовъ и теноровъ.

Новаго я очень мало разучивалъ, а старался больше надъ самой тщательной отдѣлкой простого пѣнія, которое для легкости и мягкости исполнения я свелъ къ сжатому аккорду f—dur и d-moll.

Хотя хоръ къ празднику Вознесенія былъ уже почти готовъ къ выступленію въ Церкви и проявлялъ большое желаніе къ тому, однако я придерживалъ ихъ прыть и выступилъ только на второй день Троицы.

Первый нашъ дебютъ превзошелъ мои ожиданія: легко, стройно, мягко, молитвенно и смиренно-скромно звучала наша безхитросная но искренняя пѣснь; но... на слушателей мало произвела впечатлѣнія: „дуже тихо“—вотъ общій судъ, молившихся... Да и трудно было сразу достигнуть, что бы въ новомъ дѣлѣ зазвучали едиными усты, а церковь отозвалась единымъ сердцемъ... Надъ этимъ нужно поработать, это нужно привить, этому нужно воспитать. Надѣялись мы на это и въ дальнѣйшемъ неуклонно къ тому шли.

Начало было сдѣлано. Весь наличный пѣвучій элементъ былъ задѣтъ и постепенно подъ разными предлогами былъ мною испытанъ. Когда я воочию и воушью убѣдилъ свою сѣрую братію, что возможно сдѣлать съ любовью и охотою, я понемногу началъ раздвигать завѣсу сокровенности и недоступности и началъ пополнять свое пѣвчее товарищество новыми силами, не столько заботясь о голосовыхъ средствахъ прилѣпавшихся, сколько объ ихъ добромъ желаніи и о томъ, что называется музыкальной жилкой. Къ этому времени относится приобрѣтеніе такихъ крупныхъ силъ будущихъ солистовъ хора, какъ басъ Мына Лучка и теноръ Романъ Проценко, прозванный хоромъ «сладкопѣвцемъ».

Долженъ оговориться, что все это стоило лично для меня чрезвычайнаго труда, т. к. помимо своихъ прямыхъ обязанностей практикующаго врача, связанныхъ съ безсонными ночами и беззалаберностью распределяемаго болѣзнями времени, я для хора въ воскресные и праздничные дни долженъ былъ вставать возможно раньше (около 5 ч. утра), чтобы, пользоваться предъ литургіинымъ собраніемъ хора устраивать спѣвки; безъ спѣвокъ я не отваживался пѣть въ Церкви. Хоръ состоялъ только изъ крестьянъ, а они цѣлую недѣлю проводили въ полевыхъ работахъ и пѣніе безъ спѣвки могло напоминать игру оркестра, построеннаго недѣлю тому назадъ... хрипѣніе, кашляніе, неподвижность, плохая интонація, нестройность въ самой Церкви уже не поддавались исправленію: все это нужно было продѣлать на дому на спѣвкѣ...

Вель это дѣло я на виду у своихъ хористовъ и старался имъ подчеркнуть, что бы связать ихъ чувствомъ благодарности и обязанности по отно-

шенію ко мнѣ—свободному любителю, ведущему ихъ по такому доброму пути.

Лично отъ нихъ я ничего не вымогалъ, но старался привить имъ духъ обязанности вести это дѣло и подчиняться моему музыкальному воздѣйствію и моей музыкально-деспотичной наложкѣ.

Для большого успѣха въ этомъ я самолично подготовился подборомъ пѣснопѣній по сердцу ихнему—пѣвучія, мелодійныя вещи (но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ) имъ легче удавались и для выучиванія, и для репродукціи; старался неукоснительно дирижировать самолично, выжимая изъ нихъ самые разнообразные динамические эффекты. Безъ себя въ Церкви не позволялъ выступать своимъ пѣвцамъ.

И такъ во Славу Божию нива была вспахана, елико возможно обѣмненна, дала плодъ... Намъ казался этотъ плодъ сочнымъ, душеспасительнымъ, напоеннымъ медомъ Божественныхъ пѣснопѣній.

Явилась новая забота, какъ сохранить этотъ дорогой нашъ плодъ, что бы онъ не только не завялъ, а еще и дозрѣлъ въ сто кратъ? Пришло мнѣ на мысль привить его душѣ хора, что бы память и сознаніе были полны силъ плодовъ, ассимиrowали и сохранили такъ, какъ нерушимо цѣлые вѣка сохраняютъ они свои родныя пѣсни—плодъ давно и давно принесенный народнымъ творчествомъ и, не смотря на сѣдую пыль, сохранившій, сохраняющій и имѣющей сохранить свою необыкновенную свѣжесть—сладость и ароматъ.

Что же для этого нужно сдѣлать? Выучить на память и также по памяти его исполнять. Путь такой освященъ практикой народной жизни, народного сознанія, въ которомъ съ удивительною стойкостью сохраняются цѣнные и объемистые словесные и пѣсенные матеріалы только въ памяти.

Правда, подобное рѣшеніе налагало на всю мою работу въ этомъ направленіи своего рода пута, которые сковываютъ свободу и просторъ выбора матеріаловъ, но за то упрощали успѣхъ моего тенденціознаго намѣренія заронить въ душу народа и церковно-пѣсенные матеріалы. (Не зналъ еще тогда, что у него есть достаточно своего богатства и въ этой области). Это мнѣ казалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что въ сознаніи народа живутъ непрерывно—колядки, канты, псалмы, религиозно нравственные сатиры, которые мнѣ казались только промежуточнымъ звеномъ между свѣтской народной пѣсней и богослужебно церковными пѣснопѣніями. Зналъ я и то, что въ выборѣ матеріала нужно быть осторожнымъ и останавливаться на томъ, что доступно народной музѣ,—а доступно ей все пѣвчее, консеквентное, какъ бы оно ни было трудно построено въ смыслѣ мелодіи и ритма. За то наоборотъ все, что построено на эффектахъ гармоніи, а не кантилены можетъ и не всосаться въ музыкальный аппаратъ народа.

При разучиваніи по слуху и на память пришлось столкнуться и преодолевать невообразимую трудность партеснаго непривычнаго имъ голосоведенія...

Но къ тому, что трудно дается, я отнесся со смиреніемъ труда и того не предожнаго опыта,

что то, что трудно дается, дороже пѣнится и богатство, приобретенное собственными усилиями, принесет и счастье и довольство а не разнуздает необузданные инстинкты и... размножить все въ прахъ.

И вотъ началось обученіе моей импровизированной капеллы по слуху такимъ пѣвчимъ пѣснопѣніямъ какъ «Достойно есть» Кіевское, «Святый Боже» мѣстное «Иже Херувимы» Кіевское, «О Всепѣтая Мати» по мѣстному напѣву...

Постепенно восходя къ болѣе труднымъ и сложнымъ, я отважился выучить Веделевскія Божественныя произведенія «Боже придоша языцы», «Ныиѣ отпущаеши», «Покаянія отверзи ми».

Объ этихъ первыхъ моихъ попыткахъ вспоминаю, какъ о чемъ-то далекомъ, дѣтскомъ, похожемъ на мои первые шаги въ обученіи меня грамотѣ книжной...

Въ помощь мнѣ служила скрипка, на которой я съ трудомъ могъ подыграть одну партію какого нибудь голоса (два же звука разомъ я не въ состояніи былъ извлечь изъ скрипки по своему неумѣнью) и мой небольшой и невысокій голосъ, которымъ я сопровождалъ партію альта.

Выбранная для начала 1-я часть концерта Веделя «Боже придоша» давалась намъ съ чрезвычайнымъ трудомъ,—но больше у меня (не знакомаго совсѣмъ съ церковной музыкой и его литературой) ничего не оказалось.

Мѣста, гдѣ послѣ одного голоса вступалъ другой, никакъ не давались ни мнѣ, ни хору. Тогда мы общими усилиями пѣли всю ту партію безъ раздѣленія голосовъ и только, когда мотивъ уже усваивался, мы постепенно выдѣляли послѣдовательно по одному голосу. Потому же самому поводу всѣ сольныя мѣста учили и пѣли всѣ и только когда мотивъ былъ хорошо заученъ, я отваживался давать одному голосу. Кромѣ того мѣста особенно трудны приходилось по размѣру приспособлять къ ихней способности. Формы же поперебѣннаго вступленія голосовъ (каноны, фуги) намъ совершенно не давались.

Все, что выучивалось, доводилось до возможной чистоты и мягкости звуковой. Всегда и неуклонно настаивалось на правильной тонаціи, при чемъ выученныя вещи провѣрялись подъ хорошо настроенное піанино (Вестермайера), на которомъ къ тому времени я самъ успѣвалъ подучить исполняемыя вещи.

Всякій новый № не иначе исполнялся въ Церкви, какъ провѣренный въ различныхъ тонахъ; при чемъ я предоставлялъ самому хору найти тонъ и спѣть безъ руки испытываемую вещь. Только тогда я отваживался превращать выученную піэсу въ молитву. Это намъ постепенно удавалось все легче и легче.

Своему хору я старался постояннымъ напоминаніемъ внушить, что единство и стройность пѣнія могутъ красить молитву, и что такая общая красота хоровая больше значится, чѣмъ выдѣляющаяся красота отдѣльныхъ голосовъ (къ огорченію долженъ сознаться, что сильныхъ, красивыхъ голосовъ въ томъ селѣ не имѣлось и до сихъ поръ не обрѣтается). Я не долженъ слышать ни Грыцька, ни Степана, ни Петра, а только ихъ нивелированные голоса: дисканта, альта,

тенора, басса. Ставить голоса я не умѣлъ и не умѣю и теперь, а потому старался только внушить имъ, что бы произносили хорошо слова и старались дѣлать это молитвенно.

Неуклонно и настойчиво въ теченіи года я довелъ мой небольшой хоръ (человѣкъ 30) до возможной стройности, единства и строгой динамической дисциплины.

Благовременнымъ казалось для дѣла выступить въ другомъ мѣстѣ, что мы и сдѣлали спѣвъ литургіи въ сосѣднихъ церквахъ (Варійки и Вороного),—но объ этомъ потомъ. Скажу только, что для насъ это играло огромную воспитательную роль; не безразличнымъ оказалось оно и для тѣхъ церквей, гдѣ мы спѣли и показавъ слушателямъ, что можно сдѣлать, разбудили въ нихъ личныя пѣвчіи силы: пришли онѣ послѣ того въ движеніе и съ организовались въ очень хорошіе хоры...

Теперь перехожу къ вопросу существенной важности, вопросу о вознагражденіи участников хора за трудъ и о средствахъ къ тому. Казалось бы, что самое простое средство привлечь и заохотить крестьянина къ такому дѣлу,—это поставить ему въ перспективѣ плату, награду, подарокъ и пр... Но я боялся этого. Видѣлъ неоднократно, что хорошее хоровое дѣло падало и разстраивалось въ самую пору разцвѣта именно послѣ того, какъ вмѣшивался некуніальный вопросъ. Положимъ у хора появились деньги (но ихъ нѣтъ и не откуда взять), нужно ихъ раздать хору... Какъ подѣлить, что бы вышло по справедливости?

Имѣющій хорошій голосъ пожелаетъ и большую плату, а безголосный, но болѣе усердный, не пропуская спѣвокъ, будетъ этимъ обиженъ. Словомъ, не угодишь на всѣхъ. Это я зналъ и по прежнему опыту и испыталь тутъ же у себя при первой попыткѣ распредѣлить подарокъ, данный мѣстнымъ священникомъ.

Гостинецъ состоялъ изъ 1 р.—а пѣло 22 голоса. Сдѣлано это было безъ моего согласія. Подѣлили... а въ слѣдующее богослуженіе двое лучшихъ пѣвцовъ не явились.

На мой вопросъ о причинѣ неявки остальные хористы отговорились незнаніемъ.

Опасаясь, что мои маленькія примадонны заболѣли, я постарался лично провѣдать ихъ... Увы мнѣ! Оказалось что при расчетѣ они были обдѣлены на 1 или 2 коп.

Деньги—металлъ со ржавчиной, которая неминуемо садится и на чистоту отношеній. Несогласіе раздѣдаетъ всю гармонию всего соприкасающагося съ нимъ. Нужно было устранить это, и придумать такую форму поощренія, которая устраняла бы всякую распрю и сближала бы ихъ.

Рѣшено было все, что досталось бы хору, вкладывать въ кружку, а уже изъ кружки употреблять на такое дѣло которое было общимъ для хора. Кстати, у насъ и нашлась такая общая хору неотложная нужда—устроить въ Церкви хоры, гдѣ пѣвчіе могли бы съ большимъ удобствомъ и успѣхомъ исполнять свою функцію.

Дѣло сдѣлано, начинъ положенъ... Въ дальнѣйшемъ этимъ устраненъ былъ одинъ изъ са-

мых зловредныхъ элементовъ нашего единенія. Больше ни разу мы не дѣлились и не ссорились.

По мѣрѣ накопленія въ кружкѣ маленькихъ средствъ, слагавшихся изъ подарковъ, охотно вручаемыхъ случайными посѣтителями нашего хора, расширялись и наши планы. Къ пасхѣ каждому хористу устроена была красная шелковая застѣжка—знакъ участія въ хорѣ, безъ чего въ Пасхальное Богослуженіе на хоры никто не пускался. (Дѣтки наивно,—но такъ было!).

Къ новому году приготовленъ былъ вечеръ съ елкою и подарками: книгами, торбочками, наполненными сладостями, игрушками, играми. Каждый разъ, когда предлагалось угощеніе хору, старались сдѣлать это такъ, что бы празднество это было знакомъ нашего сближенія и оказывало бы на нихъ культурное воздѣйствіе. Обыкновенно на Пасхальные или Рождественскіе святки хоръ во всемъ своемъ составѣ приносилъ намъ «вечеру», а мы, не имѣя возможности отдать каждому визитъ, устраивали у себя угощеніе.

Такія празднества начинались съ концерта, въ которомъ выполнялся весь нашъ репертуаръ. Сперва на такіе концерты посторонніе не допускались,—но потомъ старались дать возможность присутствовать и родителямъ пѣвчихъ.

Послѣ концерта предлагалась трапеза за общимъ столомъ со скромнымъ возлѣзніемъ (водка и вино въ очень ограниченномъ количествѣ). Не знаю, какъ относились хоръ къ этимъ празднествамъ, но мы замѣчали, что хоръ становится все болѣе и болѣе благовоспитаннымъ: появляются носовые платки, сапоги стараются не смазывать сильнопахнущимъ дегтемъ, въ обращеніи другъ съ другомъ вѣжливы, скромны, чистоплотны, избѣгаютъ сквернословій и ругательствъ.

Вниманіе, предупредительность другъ къ другу, къ хозяевамъ и гостямъ были трогательны.

Докторъ П. Д. Демуцкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Р. S Въ 1908 г. исполнилось 15 лѣтъ существованія хора. Въ ознаменованіе этого юбилея у меня въ усадьбѣ устроенъ былъ концертъ, программу—книжку котораго прилагаю. На нашъ концертъ въ глухомъ селѣ собрались до 600 чел. интеллигенціи и до 2000 чел. простолюдиновъ.

П. Д.

Матеріалы по исторіи народно и церковнопѣвческаго дѣла въ Россіи.

(продолженіе).

Г. КОСТРОМА. Изъ болѣе значительныхъ хоровъ, здѣсь извѣстны: Архіерейскій—35 челов., Александровскаго Братства при Ипатьевскомъ монастырѣ—35 человѣкъ, два фабричныхъ хора братьевъ Зотовыхъ и Кашина: 30 и 25 челов., при церкви Алексѣя Бож. челов.—12 чел., при кладбищенской Воздвиженской церкви и въ Андреевской слободѣ по 10 человѣкъ.

Одними изъ первыхъ основателей хора Александровскаго Братства при Ипатьевскомъ монастырѣ являются пѣвчіе архіерейскаго хора, когда жили при общежитіи названнаго монастыря (рег. А. И. Жуковъ). Хоръ существуетъ тамъ около 30 лѣтъ. Судя по отзыву самого регента, не легко пришлось на первыхъ порахъ Александровскому хору, когда онъ былъ бесплатнымъ. Сначала хоромъ пѣлись лишь литургіи, съ поступленіемъ же регента Жукова, хоръ исполняетъ праздничныя и воскресныя службы круглый годъ, получая за это незначительное вознагражденіе. Кромѣ Братства Александровскій хоръ, раздѣляясь на части, поетъ въ городскихъ церквахъ: Ильинской (720 руб. въ годъ), Иоанно-Златоустовской (300 руб.) и Богословской (180 руб.). Репертуаръ хора состоитъ изъ „произведеній композиторовъ старой школы“; современные композиторы, исключая Архангельскаго, хору мало знакомы.

Г. КАДНИКОВЪ имѣетъ 2 церковныхъ хора: при соборѣ и ученическій церк.-пр. школы.

Соборный хоръ основанъ въ 1889 г. мѣстнымъ городскимъ головою N и первымъ организаторомъ и руководителемъ хора является соборный псаломщикъ К. А. Поповъ. На содержаніе хора вначалѣ отпускалось: Городскою Думою ежегодно по 120 руб. и столько же Соборомъ, помимо частной подписки среди прихожанъ, жертвовавшихъ прежде до 200 руб., а въ настоящее время лишь до 60 руб. въ годъ. Последнее объясняется бѣдностью прихожанъ. За такую малую плату, какъ получаемые хоромъ 480 руб. въ годъ на 25 человѣкъ, невозможно, конечно, имѣть специальныхъ пѣвцовъ и на выручку имъ, какъ это вездѣ бываетъ въ хорахъ провинціи, являются любители.

Платы они здѣсь не получаютъ, а пользуются подарками (!) хотя, какъ видно, и это не достигается цѣли, такъ какъ въ соборномъ хорѣ спѣвки ими не посѣщаются, а вѣдь всѣмъ знающимъ хоровое дѣло, извѣстно, что такое представляетъ изъ себя хоръ безъ спѣвока!. Отсюда можно почувствовать, съ какою болью въ сердѣ регентъ пишетъ, что „приходится почти одному съ мальчишками быть на спѣвкѣ“... (Кстати, мальчишки въ соборномъ хорѣ получаютъ отъ 15 коп. въ мѣсяцъ!). Однако при такихъ условіяхъ въ Кадниковѣ умудрились дать нѣсколько концертовъ, въ которыхъ принималъ участіе и мѣстный хоръ.

Г. КОЗЕЛЬСКЪ (Калужской губ.) здѣсь 6 церк. хоровъ: Соборный, Благовѣщенскій, Никольскій, Вознесенскій, Георгіевскій и Богоявленскій. Последніе два хора временные, любительскіе, изъ которыхъ Георгіевскій уже, кажется, не существуетъ. Страшно низкая плата какъ регентамъ, такъ и пѣвцамъ (напр. одинъ изъ регентовъ получаетъ 3 руб., а другой немного болѣе—10 р., пѣвчіе отъ 20 коп. до 4 р.), постоянные смѣны пѣвчихъ и руководителей хора,—дѣлаютъ немислимымъ, при такихъ условіяхъ, стройное пѣніе и, понятно, что оно въ Козельскѣ въ большомъ упадкѣ. Изъ любительскихъ хоровъ можно отмѣтить свѣтскій смѣшанный хоръ въ